

Расстрел Деникинцами представителя Украины на Кубани, Барона Ф.Боржинского

В августе 1918 г. я жил в Херсоне, хотя и под своим именем, но "самочинно", ибо на Киевщине меня усиленно разыскивала гетьманская власть и немецкое командование. Пребывание мое в Херсоне было прервано тем, что в газете "Киевская мысль" был помещен (в хронике) приказ немецкого коменданта о моем задержании как "врага" Украинской Державы и союзного ей германского командования и как опасного возбудителя восстаний. "Киевская мысль" дошла до Херсона, – я купил этот номер случайно почти первым, – и в тот же день я должен был покинуть его пределы, т.к. город этот маленький, а я уже всем в нем был известен (я работал в украинских организациях и в местных кооперативных союзах по статистич. их исследованию). Мои приятели сейчас-же снабдили меня паспортом (вернее удостоверением) на имя уроженца г. Белграда Николая Ильича Грекова, и я, спустя несколько часов, оставив жену в Херсоне, плыл уже по Днепру вверх, на пароходе, к Александровску. Формально я ехал на Кубань (via Александровск – Волноваха – Ростов – Екатеринодар) за покупкой соломки (семени) для херсонской кооперации, фактически стремился выехать за пределы Украины. Доехал я до Иловайской благополучно (здесь была граница Украины и Дона). На пароходе избрал себе в дорожное знакомство австрийского офицера – украинца (это я определил сразу по книжке, которую он читал) для вящей уверенности в своей безопасности. Мало-по-малу он разоткровенничался, и я узнал и что он за человек и куда едет. Это был украинский патриот, ненавидевший немцев и особенно германцев и я мог всегда найти в нем поддержку. Ехал он по командировке в Бердянск снимать на фронт подкармливавшуюся там и отдохавшую австрийскую часть. Он говорил, что австрийская армия давно уже развалилась, настроение солдат таково, что он будет рад, если останется жив и если в Бердянске кончится все лишь тем, что его часть откажется выступить на фронт. Рассказывал о высокомерном и презрительном отношении германских офицеров к австрийским, о грабежах германских офицеров в Галиции (у отца этого офицера германским командиром части – генералом была вывезена из имения вся обстановка дома, но потом вывоз приостановлен благодаря лишь своевременному приезду рассказчика на побывку в имение). От Александровска по железной дороге я ехал уже один. В Александровске, остановившись в гостинице, попал в наборный пункт печальной памяти Астраханской армии. Здесь в первый раз после значительного перерыва я увидел русского офицера в полном облачении (никто к тому времени на Украине погон уже не носил). Это был молоденький поручик (или корнет), увешенный значками. Он сидел за столиком в номере с открытой в коридор дверью и объяснял приходившим к нему офицерам размеры окладов и других видов вознаграждения в формируемой армии. Еще, что осталось в памяти от этой гостиницы – это переполнение ее "ночными бабочками", свободно "без туалетов" разгуливавшими по коридорам в вечернее время и кутившими с какими-то офицерами в нескольких комнатах. В Иловайской я должен был пройти рогатки – украинскую и донскую. Осторожно осмотревшись вокруг себя, я установил, что донский пограничный пункт

помещается в вагоне и представляется есаулом, накладывающим штампеля. Несколько "путешественников" передо мною прошли легко с довольно несолидными документами. Что касается украинского пункта, то в помещении его (на вокзале) я увидел зевающего, стоя у стола, офицера в новой гетьманской (столь противной мне после всего пережитого) форме, и больше никого. Предъявив, донскому есаулу свои кооперативные документы, я без излишних расспросов получил штампель на один из них; после чего такой же штампель приложил и скучающий украинский офицер. Я миновал границу.

Линия ж.д. Иловайская – Ростов была оживлена и не шла ни в какое сравнение с линией Александровск – Волноваха – Иловайская. Здесь, по двухколейному пути, мчали настоящие экспрессы (а не только темные "максимы") Ростов – Харьков. В Ростов я приехал ранним утром, и что меня поразило, едва я вошел в зал вокзала – это блеск погон и орденов, и лязг сабель да звон шпор. Вокзал кишел генералами, полковниками и прочими военными. Все – как было до 1917 г., как- будто революция была лишь сном. Это было в момент расцвета власти Атамана Краснова, момент беллетристических приказов ген. Грекова (градоначальника Ростова) и деятельности его правой руки – начальника охраны полк. Икаева. О последнем генерал Греков писал в одном приказе: "Икаев хотя и не юрист, но дело понимает". В последствии (при отступлении) Икаев вывез в Грузию огромное, "благоприобретенное" в Ростове, имущество. Меня смутило только то, что моя новая фамилия "Греков" идентична с таковой же знаменитого градоначальника. Но смущение оказалось напрасным. В Ростове я прожил спокойно (в кооперативном общежитии) с мебелью. Меня лишь знал там председатель правления Юго-Восточного Коопер. Банка Э.Ф.Ренинг, он меня и устраивал как кооператора; для остальных я был только Грековым. Скоро, однако, я встретился с кубанцами- кооператорами и уехал на Кубань.

В Екатеринодаре в это время начал свою работу организованный Г.И.Шрейдером "Юго-Восточный Комитет Членов Учредительного Собрания", предполагавший, между прочим, Добровольческой Армии, Армию республиканскую, демократическую. Комитет издавал газету «Родная Земля», хозяйственной частью которой ведал А.Тесля (быв. член 1-ой Гос. Думы выборжец). Пределы Украины он оставил тоже вследствие гонений гетманской власти. Он мне предложил, совместно с ним, вести украинский отдел "Родной Земли", с целью освещения истинной сущности гетьманщины, что мною было принято и мы действительно поместили ряд статей о гетьманщине за то краткое время, которое просуществовала "Родная Земля". Как член Всероссийского Учредительного Собрания, я интересовался работой Юго-Восточного Комитета, но формально не вступал в него, имея ввиду постановление Членов Учредительного Собрания от Украины о воздержании от участия в Учредительном Собрании ввиду изменившегося юридического положения Украины, и ожидания восстановления связи с Украиной. Как известно, Юго-Восточный Комитет и его орган "Родная Земля", не угадали истинных идей и настроений Добрармии, Г.И.Шрейдер был вскоре арестован и принужден покинуть территорию Добрармии, Комитет не мог продолжать своей деятельности, а "Родная Земля" должна была закрыться.

Через А.Е.Теслю я познакомился с неизвестным мне до того полковником Поливановым, прибывшим тоже из Украины. Он очень нуждался, и А.Е.Тесля помогал ему в подыскании заработка, – поручал, например, закупку бумаги для газеты и т.п. В середине сентября, возвратившись из поездки по станицам (я работал тогда в Кооперативном Союзе), я встретил г. Поливанова, и он мне сообщил, что через Екатеринодар, возвращаясь с Кавказа, проезжал барон Ф.Боржинский, причем разыскал его, г. Поливанова, и просил познакомить

с местными украинцами, чтобы выяснить, кто здесь есть, ибо он, Боржинский имеет быть назначен на Кубань представителем от гетьмана и ему нужны будут сотрудники. Г. Поливанов, за краткостью времени и выездом из Екатеринодара на ту пору тех лиц, с кем мог познакомить г. Боржинского, ничего не успел сделать.

Барон Ф.Боржинский выехал в Киев для представления гетьману, а г. Поливанов ожидал от него сообщений. И, действительно, уже в конце сентября он прибежал ко мне весь вспотевший и взволнованный и показал телеграмму, примерно такого содержания: "Панові полковникові Поліванові. Його світлость ясновельможний пан гетьман призначив мене діпломатичним представником Української Держави і його світлості на Кубані, а вас моїм секретарем. Позаяк до відкриття Краєвої Ради я прибути не можу, то доручаю вам вітати Крайову Раду так: "Його світлость ясновельможний пан гетьман всієї України вітає суверенний орган Кубані Крайову Раду і бажає їй плідотворної праці на добро і щастя рідного Україні Кубанського козацького народу. Хай живе вільна Кубань! Хай живе дружба і приязнь між нею і Україною!" Барон Боржинський". (За точность передачи текста не ручаюсь; он полностью отпечатан в стенографических отчетах Кубанской Краевой Рады). Оставалось два-три дня до открытия Рады (1 октября 1918 г.) и г. Поливанов не знал, что делать. Прежде всего – у него не было денег, потом не было костюма, не было антуража; нужно было делать дипломатические визиты. Признаюсь, я отнесся к положению г. Поливанова несерьезно: во-первых, я презирал гетьмана и его власть, во-вторых, мне смешно было видеть г. Поливанова в роли представителя Украины – до этого он подыскивал квартиры, закупал типографические принадлежности и т.п. Он заметил мое настроение и побежал к другим. Другими были: А.Е.Тесля и агроном г. Ермилов (Ермоленко), главным образом. А.Е.Тесля принял в деле Поливанова горячее участие; такое же участие принял и г. Ермилов. Немедленно были отпечатаны визитные карточки секретаря министра-резидента Украины на Кубани г. Поливанова, последний одет в фракную пару, и начались его визиты. Знаю, что визиты были сделаны: Кубанскому Атаману, генералу Филимонову, председателю правительства Сушкову, председателю Краевой Рады Л.Л.Бычу, Н.С.Рябоволу и др. Правительством было отведено г. Поливанову помещение в Войсковом Собрании, там же где помещался английский военный представитель Фок, делегация Дока и др. Визитами г. Поливанов остался вполне удовлетворенным, приняли его хорошо.

В это время из Киева прибыла и делегация Украинского Национального Союза, в составе известного кооператора "артільного батька" Николая Васильевича Левитского и кубанского казака г. Сердюка, для приветствия Кубанской Краевой Рады. Н.В.Левитский сразу же собрал вокруг себя украинских эмигрантов, усилил ими свою делегацию на правое кооперации, а вместе с тем свои шаги согласовал и с выступлением г. Поливанова, вернее – выступление г. Поливанова согласовал со своими действиями, так что помню даже в текст приветствия, присланный г. Поливанову из Киева, были внесены некоторые коррективы после общего обсуждения этого текста.

1-го октября собралась Кубанская Краевая Рада, в здании "зимнего" театра. Г.г. Левитский и Поливанов поместились в ложе дипломатических представителей; там же находились и представители Дона; туда же были проведены и мы – украинские эмигранты (г. Тесля, я, г. Филипович, Ермилов и др.). В противоположной ложе находились верхи Добрармии, во главе с Деникиным. Не могу припомнить хронологического порядка выступлений, но мне кажется, что первыми выступили Донцы, потом Украинцы, а потом уже ген. Деникин (он очевидно ждал телеграммы о взятии Ставрополя). В приветствии Донцев

содержался призыв "старшего брата" к совместной борьбе с большевиками за казачьи вольности и свободу казачьих краев и за восстановление правового строя в России; говорил В.А.Харламов. Г.Поливанов прочитал свои приветствия от имени гетьмана, и под гром аплодисментов (такими же аплодисментами были награждены и Донцы) сошел. За ним говорил Н.В.Левитский. Словообильный старик говорил чрезвычайно долго, но слушали его внимательно. Он говорил (по-украински) от имени матери Украины к дочери Кубани; рассказывал об исторической трагедии украинского народа, о его воскрешении к новой свободной жизни... В заключение привел сербскую быль о колоколе св. Лазаря, который молчал все время турецкого владычества в Сербии и зазвонил в день освобождения Сербии. (Вся речь эта помещена в печатном стенографическом отчете Кубанской Краевой Рады). Когда он окончил и, под аплодисменты Краевой Рады сошел в ложу, слово взял представитель Краевой Рады Л.Л.Быч. Сперва он отвечал "старшему брату" Дону, отмечая полную готовность Кубани на призыв Дона, а затем, перейдя на украинский язык, отвечал "сестре" Украине, уже протянувшей в то время руку помощи Кубани (герман. снаряды). Помню, что наименование Л.Л.Бычем Украины "сестрой", а не матерью, было для украинцев разочарованием, но потом я убедился, что г. Быч должен был так поступить, учитывая кубанскую реальную обстановку: антагонизм между линейцами (великороссами), чуждыми Украине, и Черноморцами, действительно детьми Украины, нахождение в составе Кубани горцев, также чуждых в племенном отношении Украине, а также присутствие на Кубани Добровольческой Армии, союзника Кубани и врага Украины. Так или иначе, дело с приветствиями и ответами на них (отвечал и Атаман ген. Филимонов) прошло без всяких инцидентов и все разноидейные стороны вели себя в высшей степени корректно. Затем (мне так помнится, что "затем") слово взял генерал Деникин. Твердо, медленно, словно ударяя топором, он начал свою речь. Текста я не помню, но она была построена и произнесена великолепно. В ней не было ничего того, что обнаруживало бы те тенденции Добрармии, которые так ярко проявились, когда она окрепла; в его речи Добрармия обрисовывалась как армия подвижников-героев, поставивших себе целью освобождение России от ига насильников во имя ее свободы и народовластия; что на Кубани Добрармия является только союзником Кубанцев в их борьбе с большевиками и что этот союзник не будет вмешиваться в дела Кубани. В самом начале речи Деникину подана была депеша. Он, не торопясь, ее вскрыл и затем сказал: "Только что пал Ставрополь. Это депеша об этой новой и важной нашей победе над врагом". Это был прием, имевший большое влияние на членов Рады.

Примерно через неделю-две приехал и барон Ф.Боржинский.

Н.В.Левитский задержался на Кубани. Он поселился в гостинице "Дома Кооперации" и нанялся писателем статей и... стихотворений. Хороший кооператор, даже – один из апостолов российской кооперации, он был, однако, плохим стихотворцем; его значение как общественного деятеля было несоизмеримо велико по сравнению с его значением как поэта. Еще в Елисаветграде (своем родном городе) он издал после революции 1917 г. несколько брошюр своих политических стихотворений "Вільна Україна", "Вороги України" и т.п. В них он в стихотворной форме излагал исторические факты и политические тенденции, при чем политические горизонты украинских движений быстро расширялись и опережали взгляды автора, почему в своих брошюрах ему приходилось постепенно делать исправления с "автономии" на "федерацию", с "федерации" на самостоятельность и пр., что для стихотворных произведений не совсем было хорошо. Его болезнь стихотворения была тягостной особенно мне. Я заведовал кооперативным издательством и редактировал еженедельный журнал.

Поэтому Н.В.Левитский все свои произведения (а писал он их непрерывно день и ночь; говорил: "вночі встану – так і напливає, так і напливає") нес мне для печати. Он был убежден, что его произведения должны быть принимаемы как нечто выдающееся и вопроса о том – печатать или нет, не может быть; я же видел, что всего этого печатать нельзя. Я старался направить его творческую энергию по другому пути – именно на писание его богатых и чрезвычайно интересных воспоминаний как кооперативного и общественного деятеля, но напрасно: он писал стихи и в этом видел свое исключительное призвание. Однако, я ничего не напечатал, чем, кажется, обидел старика. Часть его стихотворений, в том числе и гимн "Кубани" (очень неудачный) была напечатана в официозе "Вольная Кубань".

Когда приехал барон Боржинский, он поселился там же в "Войсковом Собрании". Секретарем его был г. Поливанов, А.Е.Тесля занимал место как бы советника ("радника"), т-те Тесля служила машинисткой. Близко к украинской легации стали и Н.В.Левитский и г. Ермилов. Все эти лица составляли совет министра-резидента и влияли на его поступки. Я долгое (сравнительно) время избегал общения с ним, пока он не попросил у меня для отсылки на Украину наших украинских изданий; к тому времени мне понадобился паспорт, – таким образом произошло наше знакомство.

Барон Боржинский мне очень понравился. Воспитанный, образованный, корректный и спокойный, он производил очень хорошее впечатление. По внешности он был типичный украинец, среднего роста, худощавый, темный шатен, с длинными запорожскими усами, умным, ласковым взглядом. Одевался он в форму украинского войскового старшины (офицера), в синий жупан (был он в чине полковника русской службы). Барон Ф.Боржинский происходил из крестьянской семьи Уманского уезда, Киевской губернии. В качестве русского офицера он состоял в какой-то экспедиции или в составе миссии в Монголии и там, с одной стороны, оказал значительные услуги русскому правительству, с другой – был оценен монголами и получил от них какой-то местный титул, который и был потом переведен русским правительством в титул барона. Между прочим, он знал отлично английский язык, и между ним и английским представителем Фоком устанавливались приятельские взаимоотношения (они жили *vis-à-vis*); это способствовало рассеиванию тех лживых тенденциозных сведений об Украине и ее национальных деятелях, которые распространял "Осваг" и которыми засмечивались головы иностранцев верхами Добрармии и такими добровольцами, как В.В.Шульгин.

Уклонюсь здесь, чтобы отметить кое-что об иностранцах. При мне на Кубань прибыли первые гости от Антанты и их танки и грузовики. Гости, по пути следования которых были устроены торжественные встречи, были чествованы в здании Краевой Рады ("Зимний театр"), грузовики маневрировали по улицам Екатеринодара, а танки были демонстрируемы на лугу у р. Кубани. Во время чествования в зимнем театре, один из представителей Антанты отвечал на речи и закончил провозглашением здоровья Добрармии, забыв совершенно упомянуть о хозяевах края Кубанцах. Только, когда он сошел с трибуны, кто-то шепнул ему о его упущении, он вернулся, вернее взбежал, на трибуну и крикнул: "Viva la Koubagne!" Еще до приезда этих гостей Антанты, в Екатеринодаре находился известный (но не знаменитый) капитан (если не вру) Эрлиш. В сентябре 1918 г., по прибытии на Кубань, я, по поручению украинской эмигрантской колонии на Кубани, был у него вместе с А.Е.Теслею, чтобы выяснить взгляд французов на Украину и их намерения. Были мы у него раза два-три. Первый раз он нам доказывал, что Украины не существует, так как он проезжал через Украину несколько раз, бывал в Киеве и др. городах, но нигде не слышал украинской речи, не

видел украинских вывесок и проч. В последний раз он вынужден был прямо сказать, что он вполне согласен с мнением и взглядами В.В.Шульгина, и французское правительство будет во всем поддерживать национальные усилия Добрармии. Я его спросил: "Вы высказываете Ваши взгляды, или взгляды Вашего правительства?" Он ответил: "Это взгляды моего правительства". Больше я с ним не виделся. Конечно, эти маленькие люди (Эрлиш, одесский консульский агент Энно и др.) действовали на собственный страх и риск и по своему неглубокому разумению, но на ход событий здесь на местах они, безусловно, имели большое влияние. Позже в Екатеринодаре французов представлял полковник Корбель со своим помощником капитаном Видовым (Vidof). С этими я навязал сношения по поручению (частному) Кубанского ведомства внутренних дел (ведомства иностранных дел не было). Так как все внешние сношения велись через Добрармию, а личное общение происходило лишь через Атамана, то Кубанское правительство было в этом отношении беспомощным и изолированным. Оно не знало, какие в действительности взаимоотношения между Добрармией и Антантой, какое отношение последней к Кубани, какие взгляды на будущий строй в России и т.п.; оно даже не могло свободно сноситься с со своей делегацией, отправленной в Париж (Быч, Калабухов, Манжула, Билый и др.; впоследствии остался в Париже Быч и Калабухов, остальные вернулись). Мне было поручено информировать французскую делегацию о течении кубанской политической и общественной жизни, взаимоотношениях с Добрармией, ее поведении и пр.; осведомляться по тем или другим вопросам и наладить пересылку почты в Париж. Главным образом я имел дело с Видовым, и мне казалось, что он был со мною в известных пределах искренним. Что свои обещания он исполнял, я сужу по тому, что то, что мне удавалось проверить, свидетельствовало именно об этом. Например, почта исправно посылалась в Париж; арестованные Добрармией в Новороссийске украинские делегаты (прибывшие из Киева для следования на Дон и затем вернувшиеся с Дона в Новороссийск) были освобождены немедленно, и пр. Но была ли существенная польза от моей работы – сказать трудно. Это облегчало французам держаться в курсе кубанских дел, а кубанцам облегчало сношения с Парижем и давало возможность иногда получить те или другие сведения. Но, конечно, все это не соответствовало положению Кубанского Правительства, которое могло бы легально установить свои взаимоотношения с представителями Антанты, если бы этому всемерно не противодействовала Добрармия или если бы в политике Кубанского Правительства было бы больше твердости. (В это время кабинет Сушкова, послушный всецело Добрармии, должен был уйти после ряда убийств, совершенных чинами Добрармии, кубанцев, а у власти находился кабинет инт. Курганского).

Вскоре по прибытии барона Боржинского на Кубань начались решающие события на Украине – с поражением немцев затрещала власть и гетьмана, державшаяся только немецкими штыками. Кубанский Войсковой Штаб имел прямой телеграфный провод с Екатеринославом. Этим проводом часто стал пользоваться секретарь барона Боржинского полковник Поливанов. Тянулось это, однако, недолго. Однажды, когда он получил ленту своего разговора, к нему подошел офицер Добрармии, находившийся на телеграфе, и потребовал выдачи ленты. Поливанов отказал, офицер рванул у него ленту, но Поливанов его оттолкнул и заявил, что он – член дипломатической миссии и ни в какие разговоры входить не желает, а за насилие офицер понесет кару. Благополучно все это сошло в данный момент для Поливанова потому, что на телеграфе были и казачьи офицеры, а сам Поливанов обладал достаточной физической силой, чтобы внушить к себе "уважение" со стороны офицера Добрармии, напавшего на него.

Но ночью полковник Поливанов, помещавшийся в "Войсковом Собрании", исчез. Его комната, как и помещение канцелярии украинской миссии, оказались разгромленными, а бумаги унесенными. Выяснилось, что полковник Поливанов арестован Добрармией и увезен на вокзал (так показывали случайно бывшие в это время на вокзале, которым г. Поливанов успел бросить несколько слов). Через день появилось официальное сообщение генерала Деникина, примерно, такого содержания: "В Екатеринодаре находится представительство гетмана Малоросии П.Скоропадского. Служащий этого представительства Поливанов в последнее время завязал телеграфные сношения с восставшими против гетмана бандами. Так как этим Поливанов изменил той власти, представителем которой он являлся, то более в составе представительства гетмана П.Скоропадского он, естественно, считаться не может. Ввиду же того, что он вошел в сношения с организациями, враждебными Добровольческой Армии, то по распоряжению штаба ее он арестован и отправлен для дачи ответа перед своим правительством". По настоянию барона Боржинского перед Кубанским Правительством (кабинет Сушкова), кое-какие бумаги из унесенных из канцелярии миссии были возвращены, но миссия, конечно, не получила никакого удовлетворения; Добровольческая Армия к этому времени уже настолько закрепились, что могла уже не считаться с кубанцами и мало-по-малу открывать забрало из своего истинного лица. Судьба полковника Поливанова стала известной потому, что он через некоторое время напечатал о себе сведения в киевской газете "Відродження", доставленной на Кубань. Оказалось, что Добрармией он был увезен в Новороссийск, а оттуда морем в Севастополь, где и посажен в тюрьму. Полковнику Поливанову удалось склонить на свою сторону своего караульного – кубанского казака, и они вместе бежали и благополучно прибыли в Киев.

Место полковника Поливанова в миссии барона Боржинского занял А.Е.Тесля. В это время власть гетмана на Украине уже пала; барон Боржинский признал новую власть и остался на своем посту. Дела же на Кубани были скверны. По мере роста успехов Добрармии и продвижения ее на Донском фронте, власть ее на Кубани проявлялась все с большей и большей свирепостью; власть кубанского правительства свелась фактически к нулю. Появилось новое обвинение против кубанцев – в петлюровщине, стали преследовать все, что имело те или иные признаки украинского. Свирепствовал "ОСВАГ", завывали ультра-черные газетки: "Великая Россия" В.Шульгина, "Кубанская жизнь" (кажется "жизнь") и др. Насилия и убийства стали обычным явлением. На Рождественские, например, праздники, в декабре 1918 г. культурно-просветительным отделом Кубанского Центрального Кооперативного Союза были устроены по станицам, при "Просвітах" базары книг (выставки-базары). Казалось, ничего в этом дурного не было, а между тем в станице Пашковской, под самым Екатеринодаром, за выставку на "базаре" украинских букварей, сказок и др. беллетристических книжек контрразведкой был арестован председатель "Просвіти" и еще один из ее членов, и так как обвинения никак предъявить к ним нельзя было, то ночью их стали "сопровождать" из Пашковской до Екатеринодара по линии трамвая и на половине пути расстреляли за "попытку к побегу". Расстрел производил полковник Гончаров. Его пытались предать суду, но тщетно – он выполнял волю пославшего... Был арестован ряд кубанцев по признаку их украинской национальности, как возможные враги в будущем; искали мнимых агентов Петлюры, преследовали по доносам и предположениям (дело полковника Блохи, расстрел его адъютанта и др.). Прокламационный список, добытый из контрразведки, содержал длинный перечень имен исключительно украинского (черноморского) произношения. Поведение тыловых офицеров Добрармии (кутивших по ночам, шатавшихся по улицам), становилось все более и более наглым. Поздним вечером

небезопасно было проходить по улицам Екатеринодара. Например, однажды я с женой возвращался из гостей. Нас провожали: хозяйка, ее брат – кубанский офицер, и их отец – полковник. На главной улице – Красной – нам загородили дорогу двое гусар; оба были пьяны и нарочно, видя дам, стали сквернословить. Бывший с нами брат хозяйки вспылил и обратился к хулиганствующим офицерам с требованием немедленно уйти. Тогда один из них выхватил револьвер и закричал: "Я тебя застрелю, казачья шкура!". Однако, заметив полковника, отца своей жертвы, обратился к нему: "Господин полковник, разрешите его пристрелить!" Ввиду того, что эти два хулигана не были единственными, старый полковник должен был напрямь все свое хладнокровие, чтобы ликвидировать этот инцидент не так как бы следовало, а так как было единственно возможным: приказать своему сыну идти, а пьяных хулиганов урезонивать.

Между тем на Украине события развивались благоприятно, как это казалось из прекрасного далека. Естественно, что у украинских эмигрантов порождалось стремление вернуться на родину. Особенно торопилась чета Тесля и Н.И.Левитский. Если у А.Е.Тесли были, может быть, мотивы общественные, то у m-те Тесля побуждения были проще – возвратиться к своему гардеробу, оставленному в Лубнах. Я отличаю это мелочь потому, что она имела свое значение гибели барона Боржинского. Проехать на Украину можно было с большим трудом; свободнее, чем другим способом, через Новороссийск и морем на Одессу. Потому окружавшие барона Боржинского лица, главным образом чета Тесля, стали усиленно советовать ему выезд на Украину, рассчитывая, что его дипломатичный вагон будет особенно легко пропущен на Украину. Мотивом для убеждений барона Боржинского послужило то обстоятельство, что войска Добрармии вошли в фактическое соприкосновение с украинскими войсками, а так как, по мнению советников барона Боржинского, в Добрармии принимает участие часть кубанских казаков, то значит Кубань начала неприязненные действия против Украины и т.д.

Барон Боржинский вначале колебался, хотя положение его было трудное, но в конце концов его убедили. Несколько раз А.Е.Тесля приносил ко мне "для отзыва" проекты ноты барона Боржинского Кубанскому Правительству об отозвании кубанских войск с украинского фронта, и каждый раз я твердил г. Тесле не делать этого, т.е. не посылать ноты и не убеждать барона Боржинского покидать пределы Кубани, ибо для всех ясно, что Кубанское Правительство бессильно удовлетворить это требование г. Боржинского, а кроме того ни формально, ни фактически враждебных действий между Кубанью и Украиной не было. Между тем пребывание здесь украинского представителя имело и могло тем более иметь в будущем свое положительное значение. Но аргументы m-те Тесли (по паспорту г. Цимбалистовой) победили: в конце января 1919 года Кубанскому Правительству бароном Боржинским была вручена нота с требованием в 24 часа отозвать кубанские части с украинского фронта, или вернуть ему, барону Боржинскому, паспорта. Нужно отметить, что при всех своих прекрасных качествах как человека, барон Боржинский отличался мягкостью характера, парализовавшей его собственную волю и иногда, как и в данном случае, делавшей его игрушкой в чужих руках. Потому, с тех пор как А.Е.Тесля стал его секретарем, все дела миссии направлялись так, как того желал г. Тесля, особенными же дарованиями или прозорливостью этот человек не отличался, в чем я убеждался неоднократно.

Кубанское Правительство ноту приняло и дало на нее ответ с опозданием (примерно на 12 часов). В своем ответе Кубанское Правительство сообщило, что на украинском фронте никаких кубанских частей нет и никаких враждебных действий Кубань против Украины не

начинала и начинать не думает. Бар. Боржинский, однако, попросил свои паспорта и собрался в путь. Он имел свой вагон 1 класса, который и соблазнял его (и не столько его, как его окружающих) поехать не безопасным путем через Новороссийск на Одессу, а через фронт генерала Май-Маевского via Дон. Генерал Май-Маевский, тогда еще мало известный, занимал линию Мариуполь-Волноваха-Каменноугольный район, обращенную фронтом на Украину (большевиков там еще не было), и вагону барона Боржинского предстояло, после перебега территории Дона, проследовать через этот фронт. Я, в числе других, провожал барона Боржинского. Он был спокоен, уверен в себе, как обычно. В качестве секретаря с ним ехал А.Е.Тесля, с женой, Н.В.Левитский – в качестве советника, и еще несколько лиц (среди них кубанцы, преследуемые Добрармией) – в качестве персонала. Кубанское Правительство дало до границ Дона почетный караул, и вообще оказало бар. Боржинскому большое внимание и содействие. В конце января (кажется 24-25) 1919 г. миссия покинула Екатеринодар.

Прошло около трех недель. Жизнь на Кубани продолжала в том же духе развития Добровольческого произвола. Естественно, нам, украинцам, очень хотелось выйти за черту этой вакханалии и вернуться домой. Как-то узнаем, что из Новороссийска в Ростов приехала специальная украинская миссия на Дон, в составе: инж. Веселовского, инж. Тимошенко, инж. Гречки, одного полковника (фамилию забыл) и Бойка. Так как она была уже в Ростове, а нам интересно было выяснить положение на Украине, то нашей колонией я и г. Бродовский были посланы на Дон для свидания с этой миссией. Мы ее там нашли. Целью ее было установление технического контакта с Доном, как в отношении обороны от большевиков, так и в народно-хозяйственном отношении. Задачи этой миссии не были достигнуты, так как захват Украины большевиками происходил так быстро, что миссия не успела договориться, как уже не о чем или не для чего было вести переговоры. На обратном пути, как я уже упоминал, миссия в Новороссийске была арестована Добрармией и освобождена только по настоянию французского представителя. Но это было позже. В момент же нашей встречи с нею в Ростове, г. Тимошенко, между прочим, рассказал нам о том, как он продвигался из Харькова в Киев перед выездом на Дон, и из его рассказа уже было очевидно, что Украина перед большевиками не устоит. Гетьманскую власть в Харькове ликвидировал он, Тимошенко, с небольшим отрядом. Немцы заняли нейтральное положение и требовали только пропуска на запад. Но зато большевики начали давить на Харьков. Чувствуя свое бессилие оказать большевикам успешное сопротивление, Тимошенко, вместе со своими товарищами, выехал в Киев, чтобы просить реальной помощи. Его телеграфные сношения не привели ни к чему. И вот по дороге на Киев поезд, в котором он следовал, несколько раз был останавливаем украинскими частями, свергнувшими власть гетьмана, и ему, Тимошенко с другими, ставился вопрос – куда и зачем они едут. Кажется в Полтаве, когда Тимошенко ответил, что едет в Киев просить помощи против большевиков, ему заметили: "А, так. Це нам не йде!" И после этого дальше его не пустили. Пришлось употребить много усилий и новые аргументы, менее непримиримые по отношению к большевикам, чтобы свои же войска его пропустили в Киев. Дальше о цели своей поездки он говорил что-то другое. Вот это был лейб-мотив информации, полученных нами от чрезвычайной миссии. Но я уклонился в сторону.

Поездка моя в Ростов мною здесь приведена потому, что там я узнал о судьбе барона Боржинского. Узнал я это таким образом. Слышу, проезжая улицу, оклик моего имени. Оглядываюсь и вижу – за санками старается бежать, чтобы меня остановить, старик

Н.В.Левитский. Вид у него неузнаваемый. Обычно он гладко выбрит, лишь огромные седые усы свисают над вечно улыбающимся добрым ртом. Теперь я его вижу в седой бороде, лицо грустное и страшно бледное. Оказалось – он только что доставлен в Ростов после катастрофы, постигшей барона Боржинского. Со стариком я отправился к нему на квартиру (он остановился у знакомых), туда же пришла потом и чета Тесли. И вот что рассказал мне Николай Васильевич.

Вагон барона Боржинского прибыл на Дон беспрепятственно. Донцы оказались гостеприимными и генерал А.П.Богаевский, бывший тогда управляющим ведомством внутренних дел Всевеликого Войска Донского, настоятельно просил барона Боржинского оставаться на Дону и не выезжать в район Добровольческой Армии. "Здесь, на Дону, – говорил генерал Богаевский, – вы наш гость и мы гарантируем вашу безопасность, на фронте же вы вне нашей гарантии, вы знаете, что такое Добрармия!" Барон Боржинский будто-бы поблагодарил за внимание и любезность, но решил ехать дальше. В Ростове он оставался недолго. Выпуская миссию барона Боржинского с Дона, донцы дали ему охрану до Иловайской, где оканчивалась территория Дона. На станции Иловайской вагон нужно было прицепить уже к поезду, идущему в распоряжение Добрармии. Здесь кто-то заметил: "а теперь вы попадете в другие руки". От этого замечания, сделанного, кажется, начальником станции, у Н.В.Левитского зародилось тяжелое предчувствие и он побежал к Боржинскому, советуя отцепить вагон и поехать обратно в Ростов. И Боржинский, пред лицом реальной опасности, сейчас же согласился. Но когда вагон отцепили, тот же барон Боржинский выскочил к Н.В.Левитскому с упреками и приказал вагон опять прицепить, а Николаю Васильевичу резко заметил, чтобы он без согласия секретаря миссии, т.е. А.Е.Тесли, ничего не смел делать, или же, если угодно, пускай сам возвращается в Ростов. Н.В.Левитский объясняет это тем, что пока он давал распоряжение об отцепке вагона, А.Е.Тесля с женой обрушились на барона Боржинского и повлияли на него в обратном смысле. А.Е.Тесля этого не отрицал. Таким образом, вагон был прицеплен, и поезд двинулся из станции Иловайской на Волноваху. Н.В.Левитский рассказывал, что все это время он чувствовал себя так, как будто бы его ведут на эшафот.

Едва поезд прибыл на станцию Волноваха, как вагон барона Боржинского был оцеплен нарядом войск, а затем все пассажиры вагона выведены из него и помещены в товарный вагон. Затем этот последний был прицеплен к поезду на Юзовку. В Юзовке арестованных: Боржинского, супругов Тесли, Левитского и др. повели в здание школы, обращенное в место заключения. От небрежности арестовывавших или потому, что они не придавали этому никакого значения, у арестованных не было произведено обыска и не отобрали бумаги; последние остались вместе с багажом, выданным арестованным. Пользуясь этим и равнодушием часовых, барон Боржинский сжег в печке (помещения отапливались) все письма, которые вез из Кубани, и бумаги, которых не хотел оставлять добровольцам.

Все арестованные были преданы военно-полевому суду. Барона Боржинского обвинили в измене: полковник русской службы перешел к сепаратистам-изменникам. А.Е.Теслю обвиняли в антигосударственной деятельности во время войны, в этом же обвиняли и Н.В.Левитского. Остальные арестованные были оправданы еще следствием. Суд заседал ночью около 12 часов, кажется 14 февраля (1919 г.). Состоял он из трех офицеров-судей и прокурора. Барон Боржинский вел себя с достоинством и своим объяснением совершенно разбил нелепое обвинение. В объяснении он указывал на службу на Украине (в

частности у гетьмана) огромного числа офицеров русской службы и на то, что пошли они служить ради борьбы с развалом общерусской государственности, ради сохранения порядка и законности, и что в этом не только нет измены, но наоборот, служение своему отечеству, выполнение воинской присяги и долга офицера. Но настроение суда было таково (и "суд" этого не скрывал), что ожидать разумного отношения к делу было невозможно – приговор был предрешен и на это цинично указывал один из судей барону Боржинскому. Тогда последний, видя себя лишенным всяких судебных гарантий, пред лицом явной смерти, обратился к суду с просьбой предоставить ему возможность загладить свою вину, раз ее в нем находят, службой рядовым в Добровольческой Армии на фронте против большевиков. Ему в этом отказали, заметив, что поздно. А.Е.Тесля заявил на суде, что он в составе миссии не был, а записался туда фиктивно с целью пробраться в Лубны, откуда он должен был бежать от преследования украинских властей и немцев; что он никогда украинцем (в смысле политических устремлений) не был и не считает себя таковым; что он был всегда русским патриотом; с бароном Боржинским ничего общего не имеет. Что объяснял Н.В.Левитский не знаю, т.к. объяснения барона Боржинского и А.Е.Тесли переданы мне Николаем Васильевичем, сам же он о себе говорил, конечно, но никто другой мне о сущности его объяснений не сообщал.

Суд, после короткого совещания, вынес такой вердикт: 1) барон Боржинский осуждается к расстрелу, 2) А.Е.Тесля оправдан, 3) Н.В.Левитский освобождается от наказания ввиду своей старости. Сейчас же по прочтении приговора барона Боржинского окружил конвой и увел, супруги Тесля ушли немедленно, а старику Н.В.Левитскому приказали остаться. Затем через четверть часа вышел к нему председатель суда и сказал: "Молись богу, старик! только ради твоей старости ты остаёшься в живых! Уходи!.." Было около часу ночи. Идти нужно было длинной пустынной улицей от дома, где заседал суд, до школы. И выйдя на улицу, продвигаясь по ней, Н.В. Левитский все время ожидал, что ему всадят в спину пулю. Но этого сделано не было. Он добрался до школы, где уже был г. Тесля с женой. На следующий день их отправили в направлении Ростова.

Затем Н.В.Левитский остался жить в Ростове, где кооператоры оказывали ему помощь. Оставаясь в Ростове, он старался выяснить дальнейшее в судьбе барона Боржинского. Еще в Юзовке ему сказали, что барон Боржинский расстрелян ночью, немедленно после суда. Это было подтверждено и в последствии. Из Ростова же Николаю Васильевичу удалось выяснить, что барон Боржинский был расстрелян за Юзовкой в какой-то ложбинке, и тело оставлено на месте расстрела незарытым. Его узнали по украинской поддевке (сапоги будто-бы были сняты). Через несколько дней юзовские рабочие предали тело земле.

Мне лично удалось выяснить еще следующее. Супруга упомянутого выше Э.Ф.Ренинга – госпожа Ренинг присутствовала на семейном вечере у своих знакомых, на котором был и военный "прокурор", обвинявший барона Боржинского. Он, т.е. прокурор, чувствуя себя как бы в своей среде, рассказал всю эту трагическую историю, но в форме повествования о подвигах Добрармии над злодеями- изменниками. Он издевался над памятью барона Боржинского, Н.В.Левитского называл выжившим из ума старикашкой, а А.Е.Теслю характеризовал как единственного порядочного человека, попавшего в эту чуждую ему компанию. Он же сказал, что приговор был подтвержден генералом Май-Маевским по телефону и потом (все это тянулось $\frac{1}{4}$ – $\frac{1}{2}$ часа) немедленно же приведен в исполнение. Все это мне рассказала м-те Ренинг на следующий день. М-те Ренинг –

человек серьезный, и ее сообщение заслуживает безусловного доверия. К сожалению, имени этого прокурора, как и имен судей моя память не сохранила. В Екатеринодаре я продолжал собирать данные о деле барона Боржинского и мною было выяснено (сведения были получены частным путем из штаба), что когда генералу Деникину было сообщено о том, что барон Боржинский выедет за черту казачьих территорий и таким образом очутится в его полном произволе, он, генерал Деникин, приказал генералу Май-Маевскому задержать барона Боржинского и вернуть на Кубань. Генерал Май-Маевский не исполнил этого приказа в обратном смысле – поспешил убить барона Боржинского, очевидно, будучи уверен, что за такие дела в немилость не попадет. Это и оправдалось, конечно, в будущем. Несомненно, что в архивах Добрармии дело барона Боржинского с описанием всей тяжелой комедии суда было, – сохранилось ли, – это вопрос другой.

Собираясь к отъезду из Ростова, барон Боржинский производил некоторые финансовые операции через Юговосточный Кооперативный Банк: менял деньги, переводил деньги на имя своего сына и жены (если не племянника), как бы ожидая своего трагического конца. По словам директора Правления этого банка Э.Ф.Ренинга, на руках у барона Боржинского оставалась большая сумма романовских кредитных билетов (насколько помню, около 500000 руб. – по тому времени сумма порядная). Судьба этих денег неизвестна. По словам Н.В.Левитского, свои деньги барон Боржинский, видя по ходу следствия, что А.Е.Тесля будет освобожден, передал последнему. Верно это или нет – не знаю; г. Тесля об этом умалчивал. Но коробило меня и всех моих и А.Е.Тесли знакомых то обстоятельство, что А.Е.Тесля немедленно после трагической смерти барона Боржинского облачился в его кавказскую бурку. Также странным казалось и то, что супруги Тесля оказались потом при средствах к существованию и при мне еще жили несколько месяцев на неизвестные средства, хотя мы, близкие к А.Е.Тесле, знали прекрасно, что перед выездом из Екатеринодара он и его жена были без всяких средств и не могли покрыть даже долгов. Содержание, которое они получали за службу у барона Боржинского, было достаточным только на покрытие текущих расходов.

О постигшей барона Боржинского судьбе было сообщено (не официальным путем) как Донскому Правительству (Атаман Краснов, кабинет генерала Богаевского), так и Кубанскому Правительству (Атаман Филимонов, кабинет Сушкова), но эти Правительства ничего не сделали даже для выяснения дела; на Кубани, например, объяснили, что поднимать такой вопрос у генерала Деникина при теперешних его настроениях немыслимо. Дошли ли вести об этом до Украинского Правительства – сильно сомневаюсь, так как вялая связь Кубани с Украиной была надолго прервана, на Украине шли войны и в этих, последовавших затем исторических событиях, забылось имя и дело несчастного представителя Украины.

Никита Ив. Мандрыка

